

Русская Православная Церковь
Московская епархия

Приходской листок

Благовещенского храма д. Матвеевское

№14 (17 июня 2012 года).

Неделя II по Пятидесятнице. Всех Святых в земле Российской просиявших.

Апостольское чтение на литургии

Напротив, слава и честь и мир всякому, делающему добро, во-первых, Иудею, потом и Еллину!

Ибо нет лицепрятия у Бога.

Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся (потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую) в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа.. (Послание к Римлянам святого апостола Павла, Глава 2, 10-16).

Святоотеческое поучение

Позвал Господь Петра и Андрея, и они тотчас, оставя все, пошли за Ним. Позвал Он Иакова и Иоанна, и они тоже тотчас оставили все и пошли за Господом. Отчего же они так скоро и охотно пошли? Оттого, что увидели лучшее. Таков уж закон у нас в душе, что узнав и вкусив лучшее, она отвращается от худшего и бросает его. Тут совершается то же, что потом Господь изобразил в притче о сокровище, сокрытом на селе, и о бисере многоценном. Это сокровище и бисер - вера в Господа и общение с Ним по силе веры. Обладателями этого мы нарицаемся еще в крещении. Отчего же мы так мало ценим такое сокровище и, мало ценя, меняем на пустошь? Оттого, что во время воспитания не вводят нас во вкус этого сокровища, и оно становится чуждо нашему сердцу. Сердце наше не знает этого лучшего. Оно знает только, что из нехорошего меньше нехорошо и что больше, и на этом основывает свой взгляд. Тут и причина вся, отчего иных зовет Господь и они идут, а мы, и призванные, бежим от Него. (Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года)

Евангельское чтение на литургии

Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков.

И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним.

Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их.

И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним.

И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. (Евангелие от Матфея, Глава 4, 18-23)

Раскрою я псалтирь Святую,
Свечой лампаду затеплю,
Наброшу мантию худую,
С Давидом вместе воспою.

Господи, Господь наш,
Яко чудно Имя Твое.

В окно глядит, не наглядится,
В морозном ободу луна.
На пожелтые страницы
Вливает чистый свет она.

Царю Царей, Одежда нищих,
Ты миру дал на помощь Мать.
Ее, Взыскание погибших,
Быть может и меня взыскать.

Душа подстреленною птицей
Как жизнь, впивает словеса
И воском от свечи струится
В ладонь горячая слеза.

На каждой славе быю поклоны
За тех, кто друг и недруг мне,
А на душе светло, покойно,
Как этой ночью при луне.

Никто молитвы не отымет,
Лишь только зазвучит псалтирь.
Горит крестами золотыми
Псково-Печерский монастырь.
(иеромонах Роман, 1985)

Чудесная помощь батюшки Серафима

Отец мой Александр Николаев остался живым на войне как бы случайно, а на самом деле – благодаря чудесной помощи преподобного Серафима Саровского.

Это было под Гданьском (или Данцигом), где он, девятнадцатилетний лейтенант, командовавший артиллерийской батареей, выбрав дислокацию возле кирпичной стены полуразрушенного дома, которая закрывала его пушки с тыла, принял бой с фашистскими танками.

Однако эти танки дали по ним такой залп, что вся батарея вместе с пушками полегла и оказалась смешанной с землей, и папа был убит. Последнее, что он помнил, был чудовищный взрыв, вспышка огня, а потом все затихло и погасло, и он отошел во тьму. Но вдруг, точно так, как это записано со слов пациентов, переживших клиническую смерть, в книге Моуди «Жизнь после смерти», он обнаружил себя в длинном открытом фургоне, мчащемся с огромной скоростью по тоннелю, и вокруг звенели бубенчики, а впереди был свет. И тут навстречу ему вышел старичок, который перегородил собой путь, остановил фургон и сказал:

– Стоп! Ты куда? Тебе еще рано. Возвращайся.

И папа очнулся на операционном столе.

А как раз в этом самое время, когда фашистские танки долбанули по папиной батарее, его друг по артиллерийскому училищу, тоже девятнадцатилетний лейтенант Павлик Агарков, занявший со своей батареей высоту в нескольких километрах от того места, где шел бой, с тревогой слушал далекий грохот этой смертельной битвы.

Как только утихли звуки и упала тьма, он решил на свой страх и риск отправиться туда, чтобы хотя бы похоронить друга и потом сообщить его матери о месте могилы. Добравшись до полуобвалившейся кирпичной стены, он откопал папино бездыханное и залитое кровью тело и потащил его к ближайшему кусту, чтобы там выкопать яму и предать земле тело своего юного друга.

И пока он его тащил тяжело и неловко – сам маленький ростом – от силы метр шестьдесят, а папа – высокий – метр восемьдесят два – у папы вдруг согнулись в коленях ноги. Павлик наклонился над ним, приложил к губам зеркальце – ба, да он живой! И потащил его в ближайшую польскую деревню, где было нечто вроде санчасти. Врач лишь взглянул на папу и отвернулся, дав Павлику понять, что тот – не жилец, и что не стоит и затеваться.

Но Павлик приставил пистолет к его голове и сказал: действуй. Врач стал объяснять, что огромная потеря крови, гангрена, надо отнимать правую руку, случай безнадежный. Но Павлик все держал в руке пистолет и повторял: возьмите мою кровь. И тогда врач положил папу на операционный стол, принялся омывать раны, повторяя, что у раненого первая группа крови, а у Павлика – третья, и вообще это все дохлый номер... И тогда польская девушка-медсестра, посмотрев на папу с жалостью и любовью, сказала:

– Такой молодой! Такой сличный! У меня первая группа! Возьмите мою.

Вот папа и очнулся на операционном столе рядом с ней.

Потом через много лет мы с папой ездили в Гданьск, все там облазили в его окрестностях и нашли и то поле, и ту полуразрушенную красную кирпичную стену, и ту прекрасную девушку Марту Обегла. Она стала очень уважаемой женщиной, владелицей косметического салона в лучшем районе Гданьска.

– А кто же был тем старичком, который тогда вышел тебе навстречу и вернул назад? – спросила я у отца.

– Я тоже сначала думал, кто же это такой: вроде, очень знакомый, даже родной, а вспомнить никак не могу. А потом понял, где я видел его. На иконе, дома, в красном углу. Эта икона в детстве исцелила меня от слепоты.

– И кто же это был?

– Преподобный Серафим Саровский. Ему особенно молились бабушка и мать, он считался небесным покровителем нашего рода.

Добавлю еще: мой двоюродный дедушка со стороны отца – тоже Александр – считал, что преподобный Серафим спас во время Ленинградской блокады его семью.

Дедушка уже понимал, что все они – его жена и двое сыновей, и он сам вот-вот умрут от голода, как умерли жена и дети его брата Жоржа, который был на фронте. И сидел ночью, пригорюнившись, на кухне. И вдруг – а дедушка мой был никакой не мистик, а самый что ни есть реалист, даже критический реалист, скептик – входит к нему преподобный Серафим Саровский и говорит:

– Не отчаивайся! Завтра я выведу вас отсюда.

Наутро пришло распоряжение срочно эвакуировать цех, где дедушка был инженером, и ему позволили взять с собой и семью.

Через годы Александр Николаев написал об этом в стихотворении «Спасибо женщине одной»:

Я словно чудом ожил вновь.

В то утро польская девчонка

свою мне подарила кровь

и опровергла похоронку.

Сроднился я с ее страной

В годину бед и испытаний,

И польской женщине одной

я говорю:

– Спасибо, пани!

Олеся Николаева

Дорогие братья и сестры! Просьба не использовать приходской листок в хозяйственных целях.

Если Вы его прочитали – передайте другим.